Изъ воспоминаній Г. И. Мѣшкова.

Пенза въ началѣ прошлаго столѣтія. Губернаторы кн. Г. С. Голицынъ и М. М. Сперанскій. — Посѣщеніе Пензы великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. — Губернаторъ Ѳ. П. Лубяновскій.—Епископы Иннокентій (Смирновъ) и Амвросій (Орнатскій). — Вступленіе войскъ въ Пензу.—Императоръ Александръ I въ Пензѣ въ 1824 году. — Канцелярскіе чиновники, ихъ жалованье и обычаи.—Провинціальные балы и увеселенія.

Съ наступленіемъ 1815 года, когда мнѣ пошелъ шестой годъ, матери моей вздумалось самой заняться свойственнымъ этому моему возрасту образованіемъ, т. е. она начала учить меня чтенію и письму. Оба эти занятія пришлись мнѣ, такъ сказать, по сердцу; я съ восхищеніемъ думалъ о томъ времени, въ которое и я, какъ всѣ, буду читать книги. Старанія матери моей были успѣшны; когда, чрезъ полтора года, дальнѣйшее образованіе мое было передано нанятому учителю, я уже порядочно читалъ, и въ этомъ отношеніи хлопотъ учителю было не много. Не смотря на протекшіе съ тѣхъ поръ 53 года, я какъ будто сейчасъ смотрю на своего учителя: это былъ семинаристъ высокаго роста съ смуглымъ, серьезнымъ лицомъ, въ долгополомъ синемъ сюртукѣ фабричнаго сукна съ побѣлѣвшими швами. Тогда щеголей было меньше теперешняго. Звали его Иванъ Васильевичъ Іерихонскій. Видя мою охоту къ ученію, онъ и самъ занимался со мною охотно и въ тѣ четыре или пять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ былъ моимъ учителемъ, я все больше и больше получалъ пристрастіе къ чтенію. Достойный педагогъ, занимаясь со мною по три часа ежедневно, преподавалъ мнѣ катехизисъ Ѳеофана Прокоповича, грамматику и ариѳметику Меморскаго; а въ послѣдній годъ своихъ со мною занятій началъ проходить со мною всеобщую исторію Шрекка и географію Пятунина. За всѣ эти труды онъ

получалъ такую плату, которая теперь покажется ничтожною и даже смѣшною, но тогда казалась изрядною: по пяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Платить за меня больше и дать мнѣ высшее образованіе отецъ мой не имѣлъ возможности; а сверхъ того ему казалось, что для той карьеры, которая мнѣ предназначалась, т. е. для гражданской службы, другихъ познаній не нужно было. Я учился охотно, а чтеніе сдѣлалось господствовавшею во мнѣ страстію, и я посвящалъ ему все мое время. Свойственныхъ тогдашнему моему возрасту игрушекъ у меня никогда не бывало; я обыкновенно просилъ отца и мать, чтобы, вмѣсто игрушекъ, покупали мнѣ книги съ картинками, или эстампы, разумѣется суздальской гравировки, которые въ то время во множествѣ продавались ходившими по домамъ разнозчиками. Эти мои просьбы всегда удовлетворялись. Кромѣ того, жившая напротивъ нашего дома княжна Олимпіада Алексѣевна Чегодаева, бывшая съ нашимъ семействомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, въ день моего рожденія и именинъ, дарила мнѣ каждый годъ по нѣсколько эстамповъ. Няня моя, очень меня любившая и только недавно умершая на 80-мъ году, также меня баловала въ этомъ отношеніи и часто дарила мнѣ по одному, или по два эстампа. Изъ нихъ у меня и теперь сохраняется коллекція портретовъ тѣхъ генераловъ, которые участвовали въ войнѣ 1812—1815 годовъ. Эта страсть къ книгамъ и эстампамъ такъ во мнѣ и осталась.

Съ сосѣдями своими родители мои были въ лучшихъ отношеніяхъ. Изъ нихъ я назову Бахметевыхъ, Василія Михайловича Сабурова и Алексѣя Николаевича Загоскина; у втораго были внуки, а у послѣдняго сыновья и дочери, возрастъ которыхъ подходилъ къ моему. Но самою большою радостью было для меня, ежели мать моя брала меня съ собою, отправляясь къ Кохамъ. Но что же это были за Кохи? Личности эти, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ описанія, и я скажу о нихъ нѣсколько словъ. Ѳедоръ Андреевичъ Кохъ, полковникъ еще Екатерининской службы, былъ въ то время, когда Пензенскою губерніею съ 1780 по 1796 годъ управлялъ генералъ-поручикъ Ступишинъ, нѣкоторое время комендантомъ въ Пензѣ; онъ всегда былъ готовъ на разсказы о добромъ быломъ времени. Бывало, взмостясь къ нему на колѣни, разсказы эти слушалъ я съ большимъ удовольствіемъ и вниманіемъ, особо занимали меня семилѣтняя война и походы противъ турокъ. Оригиналенъ былъ его костюмъ: въ царствованіе Александра I, онъ все продолжалъ носить ту же форму Екатерининскаго времени, съ которою былъ уволенъ въ отставку. Въ свѣтлозеленомъ долгополомъ мундирномъ сюртукѣ, подбитомъ краснымъ стамедомъ, въ короткихъ казимировыхъ бѣлыхъ штанахъ, въ башмакахъ, съ незавязанными чулками, въ колпакѣ и съ длинною тростью, похожею на нынѣшнія священническія, съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ на длинной лентѣ,

этотъ почтенный 83-хъ лѣтній ветеранъ гуляетъ, бывало, по Покровской улицѣ. Костюмъ его не измѣнялся и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заходилъ къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ; по крайней мѣрѣ, онъ много разъ бывалъ въ нашемъ домѣ одѣтымъ такимъ образомъ. Сестра его, дѣвица Христина Андреевна, была не многимъ моложе. По нѣмецкому обычаю, она сама завѣдывала своею кухнею и сама же стряпала разные сладкіе пирожки и другія печенья. Они-то меня и тянули въ этотъ гостепріимный, патріархальный домъ, ежели не считать еще другаго, прибавочнаго удовольствія. У нихъ были двѣ маленькія, ученыя собачки; бывало, одну изъ этихъ собачекъ нарядятъ въ старинный, нарочно сшитый миніатюрный мундиръ, съ шляпою и деревянною шпагою; другую въ роброндъ и фижмы. Въ этомъ нарядѣ, обѣ собачки, ходя на заднихъ лапкахъ, выдѣлывали уморительныя штуки, и я каждый разъ уходилъ отъ Коховъ съ большимъ сожалѣніемъ, потому что оба старика меня любили, баловали и кормили всякими сластями.

Къ воспоминаніямъ этой эпохи я долженъ отнести, во-первыхъ, то время, когда высланы были въ Пензу офицеры французскихъ войскъ, взятые въ плѣнъ во время отечественной войны, и потомъ, обратное слѣдованіе чрезъ Пензу на свои мѣста башкирскихъ войскъ. Въ обоихъ случаяхъ, домъ нашъ не остался безъ постояльцевъ, потому что квартирная повинность отводилась тогда въ Пензѣ натурою. Плѣнныхъ я едва помню; остался только въ памяти моей одинъ капитанъ, очень израненный. Я помню, что онъ носилъ на головѣ серебряную бляху, потому что былъ жестоко раненъ въ черепъ. Башкирскія войска я помню яснѣе, такъ какъ они проходили позже. У насъ квартировали пять или шесть нижнихъ чиновъ; но напротивъ нашего дома, у княжны Чегодаевой, квартировалъ ихъ полковникъ, котораго звали Мязитъ Матвѣевичъ. Не смотря на краткость пребыванія въ Пензѣ, онъ былъ у насъ нѣсколько разъ и когда собрался въ дальнѣйшій путь, то подарилъ мнѣ лукъ и колчанъ со стрѣлами, которые и теперь у меня цѣлы. Между тѣмъ, квартированіе башкиръ въ нашемъ домѣ не обошлось безъ послѣдствій: чрезъ нѣсколько дней по выходѣ изъ Пензы, одинъ изъ этихъ башкиръ бѣжалъ съ дороги и, возвратясь сюда, явился на свою бывшую квартиру и объявилъ отцу моему, что ушелъ съ намѣреніемъ креститься. Не смотря на этотъ поводъ, побѣгъ все-таки остался побѣгомъ, и отецъ мой, хотя съ сожалѣніемъ, но долженъ былъ предать бѣглеца въ полицію. Чѣмъ кончилось это дѣло, я уже не знаю.

Въ Пензѣ въ это время былъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и камергеръ князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ. Молодой, красавецъ собою, знатной фамиліи, богатый и образованный, онъ жилъ, какъ настоящій вельможа. Позднѣе я слышалъ, что, живя въ провинціи при существовавшей тогда на все дешевизнѣ, онъ, все-таки,

проживалъ здѣсь до 100 тысячъ рублей ежегодно; сумма огромная для того времени. И этому очень можно было повѣрить; балы, маскарады, благородные спектакли въ домѣ его смѣнялись одни другими, зимою или лѣтомъ, это было все равно. Князь Голицынъ и жена его были въ давнишнихъ дружескихъ связяхъ съ мою крестною матерью, генеральшею Ступишиною; и это было поводомъ къ тому, что они, бывая часто въ домѣ г. Ступишиной, близко познакомились съ моими отцомъ и матерью и почтили ихъ своимъ добрымъ расположеніемъ и вниманіемъ. На всѣ, бывавшіе въ домѣ князей Голицыныхъ праздники и удовольствія родители мои были постоянно приглашаемы, и князь всегда присылалъ за ними экипажъ, такъ какъ у нихъ своего не было. Иногда отецъ и мать мои бывали у князей Голицыныхъ и запросто; при чемъ, по желанію княгини, мать моя брала съ собою и меня. Я зналъ наизусть нѣсколько строфъ тогда только-что вышедшей въ свѣтъ баллады Жуковскаго: «Людмила». Бывало, князь, посадивъ меня къ себѣ на колѣни, говорилъ: «ну, тезка, читай Людмилу!» И я читалъ; а за то мнѣ всегда готова была награда въ видѣ конфектъ.

Въ мартѣ 1815 года семейство наше увеличилось еще слѣдующимъ образомъ: У матери моей была младшая сестра, дѣвица Вѣра Ѳедоровна Ложкина. Она воспитывалась въ Москвѣ, въ пансіонѣ и, окончивъ свое образованіе, до 17 лѣтъ своего возраста жила въ Тамбовской губерніи, въ домѣ тамошней помѣщицы, Анны Ивановны Языковой. Мать моя просила отца выписать молодую дѣвушку сюда, чтобы жить вмѣстѣ. Я, какъ ребенокъ, ничего объ этомъ не зналъ; но въ одинъ день (это было въ воскресенье), когда отецъ куда-то отправился, а мать, бывшая на послѣднихъ дняхъ беременности, была у обѣдни, вдругъ во дворъ нашъ явился дорожный экипажъ, и вышедшая изъ него молодая, очень красивая, бѣлокурая дѣвушка, вошедши въ комнаты, расцѣловала меня и брата моего и объявила, что она наша тетка. Вскорѣ отошла обѣдня, и мать моя возвратилась; но радость свиданія съ сестрою, послѣ долгой разлуки, едва не обошлась ей дорого. Тетка моя, желая сдѣлать матери сюрпризъ, спряталась за дверь; когда мать моя вошла въ комнату, тетка вдругъ бросилась ей на шею, и взволнованная испуганная этимъ мать упала безъ чувствъ. Дня черезъ три послѣ этого, 21-го марта, родилась сестра Агнея Ивановна, воспріемниками которой были тѣ же г.г. Ступишина и Бахметевъ и я, съ дѣвицею Маѳою Ефимовною Чемесовою. Мнѣ было 5, а кумѣ моей 24 года отъ роду.

Родители мои, соображаясь съ своими средствами, жили скромно; поэтому, такое событіе, какъ крестинный обѣдъ, представлялось мнѣ событіемъ необыкновеннымъ. Пріѣхали всѣ кумовья: г. Ступишина, въ возкѣ, въ шесть лошадей цугомъ, какъ она ѣзжала всегда, пользуясь

правомъ генеральства и съ своимъ костылемъ (она была хрома); г. Бахметевъ въ своемъ сѣромъ фракѣ. Пришла и сосѣдка наша, княжна Чегодаева, въ неизмѣнной своей зеленой, атласной, съ высокою тульею, шляпкѣ, съ зеленымъ же перомъ. Такія шляпки носила одна только она; еще я видѣлъ только на старыхъ эстампахъ прошлаго столѣтія. Учтивостямъ генеральши къ княжнѣ и обратно не было конца; онѣ величали другъ друга сіятельствомъ и превосходительствомъ.

Уединенный, всегда спокойный образъ нашей семейной жизни нарушался иногда, впрочемъ очень рѣдко, тѣми случаями, когда генеральша Ступишина вздумаетъ, бывало, пріѣхать къ намъ вечеромъ, чтобы, въ партіи съ моимъ отцомъ и еще съ кѣмъ-либо изъ лицъ, ей близкихъ, поиграть въ бостонъ, до котораго она была большая охотница. Подобное посѣщеніе, разумѣется, объявлялось заранѣе, и когда наставалъ торжественный день, Боже мой! что за суматоха поднималась въ нашемъ скромномъ убѣжищѣ! Зеркала, висѣвшіе на стѣнахъ эстампы: «Вертеръ и Шарлотта» за стеклами вымывались начисто, старые фамильные портреты въ гостиной, ломберные столы и незатѣйливая, обитая бѣлымъ съ голубыми полосами канифасомъ мебель освобождались отъ покрывавшей ихъ пыли и на два стола въ гостиной, въ ярко вычищенныхъ подсвѣчникахъ, церемоніально устанавливались четыре сальныя свѣчи. Лампы были тогда рѣдкостью; о стеаринѣ не имѣли еще понятія, а что касается до воска, то я, чрезъ нѣсколько даже лѣтъ, бывалъ на такихъ танцовальныхъ вечерахъ, гдѣ все освѣщеніе состояло тоже изъ однихъ сальныхъ свѣчей!

Или, иногда, человѣкъ 10—12 изъ короткихъ знакомыхъ, все мужчины, собирались поиграть въ карточки. Бывали случаи, что засиживались до двухъ, или трехъ часовъ за полночь; но въ какую же игру играли эти господа? Въ свои козыри и на мѣдныя деньги! Я помню, что одинъ разъ, когда мать моя и тетка были въ деревнѣ у г. Ступишиной, отецъ мой, не бывши никогда сторонникомъ поздняго сидѣнья и утомившись, оставилъ своихъ посѣтителей за карточными столами и, раздѣвшись, легъ спать. Кончивши игру, гости хватились хозяина; но онъ, уже въ колпакѣ, съ постели отвѣчалъ имъ: «я давно уже легъ, господа! Вы меня просто замучили!» Такова была простота нравовъ того времени, что эта выходка моего отца, которую теперь сочли бы обидою, была привѣтствована только однимъ громкимъ, дружескимъ смѣхомъ; гости разъѣхались и разошлись безъ малѣйшаго неудовольствія.

Весною и лѣтомъ мы пользовались еще другимъ удовольствіемъ. Домъ отца моего стоялъ на Нижней Покровской улицѣ; стоило, повернувши изъ воротъ налѣво, перейти одинъ переулокъ, чтобы потомъ, по мосту чрезъ рѣку Пензу, перебраться въ поле. Это мы всѣ, и старшіе и младшіе, называли: «идти на поляну». Компанія, которая отправля-

лась на эту прогулку, ежедневно, ежели погода была хороша, обыкновенно состояла человѣкъ изъ двадцати, а иногда и больше. Тутъ кромѣ собственнаго нашего семейства бывали двое моихъ дядей съ ихъ женами и сыномъ старшаго дяди, семейство Лазаревыхъ, Ѳедоровыхъ, Бетюцкихъ и Рихтеръ. На полянѣ рѣзвостямъ не было конца: тутъ были и хороводы, и горѣлки. Бывало, возвратясь вечеромъ домой, ложишься спать съ мыслію: «какъ бы завтра повеселиться по-нынѣшнему!»

Наступаетъ бывало, праздникъ Свѣтлаго Воскресенія. Въ пятницу на страстной недѣлѣ домъ нашъ принималъ уже праздничный видъ; въ субботу утромъ, обыкновенно подъ личнымъ надзоромъ моей матери, начинался процессъ окраски яицъ сандаломъ или шелкомъ. Но вотъ наступаетъ 10 часовъ вечера,и въ церквахъ начинается благовѣстъ «къ стоянью». Въ это время тѣ семейства, о которыхъ я упомянулъ выше, какъ объ участникахъ въ прогулкахъ, всѣ собирались къ намъ, съ тѣмъ, чтобы, не ложась спать, всѣмъ вмѣстѣ отправиться къ заутренѣ въ одну и ту же церковь. Меня, разумѣется, въ тѣсноту не брали, но все, что я описалъ выше, тѣмъ не менѣе мнѣ памятно.

Утромъ 20-го октября 1816 г., по увольненіи князя Голицына отъ должности пензенскаго губернатора, пріѣхалъ въ Пензу преемникъ его, тайный совѣтникъ М. М. Сперанскій.

Между тѣмъ, пріѣздъ новаго губернатора, прежнее высокое его положеніе и, можно сказать, слава его имени занимали умы всѣхъ: всѣ и вездѣ о немъ разговаривали. Въ нашемъ домѣ также много о немъ говорили, потому что младшій изъ моихъ дядей, Сергій Ивановичъ, служилъ въ это время въ губернскомъ правленіи секретаремъ и, стало быть, ежедневно былъ свидѣтелемъ энергическихъ, благоразумныхъ и безпристрастныхъ распоряженій Сперанскаго. Этотъ сановникъ, узнавши дядю моего короче, почтилъ его полнымъ своимъ довѣріемъ и вскорѣ исходатайствовалъ ему орденъ св. Владиміра 4-й степени,—отличіе, въ то время рѣдкое, особенно ежели принять еще въ соображеніе молодость моего дяди, который имѣлъ тогда только 29 или 30 лѣтъ.

Безпрестанные разговоры и разсказы о Сперанскомъ возбудили во мнѣ желаніе его видѣть, и я не успокоился до тѣхъ поръ, пока отецъ мой не удовлетворилъ моей просьбы взять меня къ обѣднѣ въ соборъ, гдѣ, по праздникамъ, Сперанскій бывалъ обыкновенно. Благородная, величавая и выразительная его наружность и теперь у меня какъ будто предъ глазами: я живо помню его высокій ростъ, почти лишенную волосъ голову, его взглядъ, обыкновенно въ полъ-глаза, его низкіе всѣмъ поклоны, его синій, или иногда сѣрый фракъ съ двумя звѣздами на лѣвой сторонѣ и большой крестъ на шеѣ. Позднѣе Сперанскій былъ нѣсколько разъ и у насъ въ домѣ.

Въ сентябрѣ Пенза удостоилась посѣщенія великаго князя Михаила Павловича, въ сопровожденіи генералъ-лейтенанта Паскевича, впослѣдствіи знаменитаго фельдмаршала, князя Варшавскаго, графа Эриванскаго. Его высочество, бывъ встрѣченъ съ большою торжественностью, подъѣхалъ прямо къ собору, гдѣ служба въ то время была только въ нижнемъ этажѣ, потому что отдѣлка верхняго только-что была начата, а старый соборъ, существовавшій съ 1700 года, за ветхостью, въ 1815 году, былъ разобранъ. Вечеромъ великій князь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ балъ, данный въ честь его собравшимся сюда дворянствомъ. Я видѣлъ и великаго князя и будущаго фельдмаршала; отецъ мой, отправляясь въ соборъ, взялъ и меня съ собою.

Протекли два года, и семейство наше увидѣло посреди себя новаго члена: 31-го мая 1819 г., наканунѣ Троицына дня, между вечернею и всенощною, родился братъ мой Владиміръ Ивановичъ, пятый ребенокъ моей матери. Здоровье ея было удовлетворительно; но на другой день вечеромъ, она была очень испугана пожаромъ, происшедшимъ въ сосѣдней съ нашею, Верхней Покровской улицѣ. Въ Троицынъ день въ то время обыкновенно бывало народное гулянье въ такъ называемой «Очкинской рощѣ», перейдя рѣку Пензу, за городомъ. День былъ превосходный; отецъ мой, желая доставить удовольствіе мнѣ и брату Александру, отправился съ нами туда же; но каковъ же былъ нашъ ужасъ, когда, едва дошедши до мѣста, мы услышали набатъ и, оглянувшись, увидѣли, что пожаръ недалеко отъ нашего дома! Бѣгомъ возвратились мы домой, но, слава Богу, все кончилось благополучно: пожаръ скоро потушили, а испугъ моей матери прошелъ, къ счастію, безъ всякихъ для нея послѣдствій.

Въ началѣ того же мѣсяца губернаторъ Сперанскій, получивъ назначеніе генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, уѣхалъ изъ Пензы. Передъ отъѣздомъ, онъ приглашалъ отца моего на службу туда же, предлагая должность совѣтника; но отецъ, имѣя въ то время на рукахъ много частныхъ дѣлъ, прибыль отъ которыхъ далеко превышала тогдашнее жалованье совѣтника и, бывши обремененъ большимъ семействомъ, что̀ очень затруднило бы переѣздъ, благодарилъ генералъ-губернатора, отклонивъ его предложеніе. Тогда Сперанскій пригласилъ служить въ Сибирь вышеупомянутаго моего дядю Сергія Ивановича; а онъ, не имѣя другаго семейства кромѣ жены, охотно согласился и въ началѣ слѣдующаго года, вслѣдствіе полученной имъ отъ Сперанскаго оффиціально бумаги, отправился, на первый случай, одинъ, въ Томскъ, гдѣ тотчасъ же получилъ мѣсто совѣтника съ производствомъ въ чинъ коллежскаго ассессора. Лѣтомъ отправилась къ нему и жена его, Александра Алексѣевна; тамъ оставались они до осени 1827 года. Довѣріе и благорасположеніе генералъ-губернатора къ дядѣ

моему во все время, пока этотъ послѣдній состоялъ подъ его начальствомъ, нисколько не измѣнились; доказательствомъ этому могутъ служить многія его письма къ моему дядѣ, которыя, по кончинѣ его въ 1859 году, я взялъ къ себѣ и доселѣ сохраняю.

Сперанскій уѣхалъ изъ Пензы 7-го мая, дождавшись прибытія назначеннаго ему преемникомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳедора Петровича Лубяновскаго, съ которымъ издавна былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Проводы уважаемаго начальника были торжественны. Дворянство и чиновники устроили для него прощальный завтракъ, въ домѣ купца Калашникова, на берегу Суры, гдѣ былъ готовъ парóмъ для переправы, потому что, по раннему времени года, рѣка только-что вошла въ берега и устройство моста было еще невозможно. Отецъ мой, отправясь на берегъ, взялъ съ собою и меня; такимъ образомъ я, 9-ти лѣтній мальчикъ, былъ свидѣтелемъ отъѣзда и проводовъ знаменитаго государственнаго сановника.

Около этого же времени престарѣлый нашъ епископъ Аѳанасій былъ уволенъ, по желанію его, на покой; преемникомъ ему назначенъ былъ извѣстный своею ученостію и краснорѣчіемъ Иннокентій (Смирновъ). Принявъ поставленіе въ этотъ санъ, преосвященный Иннокентій пріѣхалъ въ Пензу, какъ мнѣ помнится, или въ концѣ мая, или въ началѣ іюня; но, къ сожалѣнію, жителямъ Пензы не долго пришлось увлекаться и наслаждаться краснорѣчіемъ новаго архипастыря и удивляться его святой жизни; пріѣхавши сюда уже сильно больнымъ, онъ скончался 10-го октября того же года 35-ти лѣтъ отъ роду. Я нѣсколько разъ видѣлъ его въ служеніи и одинъ разъ на экзаменѣ въ семинаріи; наружность его у меня въ свѣжей памяти. Тѣло его погребено въ склепѣ подъ соборомъ; надъ нимъ иждивеніемъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской поставленъ незатѣйливый памятникъ. Не смотря на протекшее съ тѣхъ поръ полуотолѣтіе, уваженіе пензенскихъ жителей къ памяти почившаго такъ велико, что ни одинъ почти день не проходитъ и теперь безъ того, чтобы кто-либо изъ нихъ не просилъ отслужить надъ гробницею панихиды. Во многихъ домахъ, какъ и у меня, есть его портреты. На мѣсто его пріѣхалъ въ началѣ слѣдующаго года также извѣстный своими духовно-историческими сочиненіями преосвященный Амвросій (Орнатскій). Это былъ человѣкъ страннаго, строптиваго и неуживчиваго характера, не пользовавшійся потому пріязнію жителей, въ совершенный контрастъ искренней любви и глубокому уваженію, которыми пользовался его предшественникъ...

Въ отсутствіе моей матери, въ октябрѣ, или въ ноябрѣ, теперь уже не помню хорошенько, въ Пензенскую губернію прибыла для квартированія 5-я дивизія 2-го пѣхотнаго корпуса, подъ командою генералъ-

лейтенанта Ивана Ѳедоровича Эмме. Собственно въ Пензѣ расположился дивизіонный штабъ и часть Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка, командиромъ котораго былъ полковникъ Александръ Андреевичъ Габбе, еще молодой человѣкъ. Но начальнику дивизіи было лѣтъ 70, или около того; генеральскій чинъ онъ получилъ, какъ въ послѣдствіи времени самъ мнѣ говорилъ, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины Второй. Не смотря на свои лѣта, онъ былъ невѣроятно бодръ и пользовался крѣпкимъ здоровьемъ. Покрытый звѣздами и крестами, съ крашеными волосами, онъ на балахъ нерѣдко открывалъ танцы вальсомъ; а о кадриляхъ и экосезахъ и говорить уже нечего. Онъ оставилъ службу въ 1825 году; на мѣсто его поступилъ генералъ-маіоръ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Юшковъ, а въ 1826 г., дивизія выступила изъ Пензенской губерніи.

Вступленіе въ губернію войскъ произвело здѣсь общее волненіе. До того, кромѣ внутренней стражи и проходившихъ воинскихъ командъ, войскъ никакихъ и никогда здѣсь не бывало на постоянномъ квартированіи. Жители (говоря вообще) любовались воинами и въ особенности гренадерами, которыхъ было въ каждомъ полку, кромѣ егерскихъ, по одному баталіону. И дѣйствительно, тутъ было чѣмъ любоваться. Молодцы собою, всѣ большаго роста, съ усами, въ киверахъ съ кутасами и витишкетами, съ высокими, почти аршинными султанами, эти воины, изъ которыхъ одни сражались при Смоленскѣ и Бородинѣ, другіе видѣли Парижъ, при парадахъ и разводахъ казались «ходячимъ лѣсомъ». Высшій классъ общества интересовался офицерами, изъ которыхъ многіе были людьми богатыми и хорошо образованными, даже служившими прежде въ гвардіи, но переведенными въ армію вслѣдствіе извѣстныхъ безпорядковъ въ Семеновскомъ полку. Молодежь изъ служившихъ въ присутственныхъ мѣстахъ чиновниковъ, любуясь на офицерскіе мундиры, шарфы съ кистями и брюки съ красными лампасами, сходила съ ума отъ желанія вступить въ военную службу; многіе и вступили, въ томъ числѣ двоюродный братъ мой Николай Алексѣевичъ, который, состоя въ гражданской службѣ и имѣя уже первый классный чинъ, поступилъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ юнкеромъ.

Наступившій затѣмъ 1824 годъ былъ ознаменованъ важнымъ для здѣшняго края событіемъ. Со времени основанія Пензы въ 1666 году, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, городъ этотъ не былъ еще удостоенъ посѣщенія особъ коронованныхъ. Но въ этомъ году государю императору Александру Павловичу угодно было назначить Пензу сборнымъ пунктомъ для личныхъ смотровъ и маневровъ войскъ всего 2-го пѣхотнаго корпуса. Понятно, что и въ военномъ, и въ гражданскомъ вѣдомствѣ поднялась страшная суматоха; приготовленіямъ и распоряженіямъ не было конца. Дворянство предположило выстроить на

Соборной площади, противъ корпусовъ присутственныхъ мѣстъ, огромную деревянную, крытую желѣзомъ галлерею, намѣреваясь дать въ честь державнаго гостя балъ. Къ исполненію было приступлено тотчасъ же, и мѣсяца чрезъ два зданіе было готово. Въ немъ могло помѣщаться до 1.500 человѣкъ. Огромныя колонны украшали фасадъ. Между тѣмъ начали собираться понемногу войска; они состояли изъ 4-й, 5-й и 6-й пѣхотныхъ дивизій, въ каждой изъ которыхъ было по шести полковъ; изъ гусарской дивизіи, гдѣ были четыре полка: Изюмскій, Павлоградскій, Иркутскій и Елисаветградскій, и одной дивизіи артиллерійской. Командирами пѣхотныхъ дивизій были генералъ-адъютанты Сипягинъ и Потемкинъ и генералъ-лейтенантъ Эмме; гусарскою дивизіею командовалъ генералъ-маіоръ Леонтьевъ; артиллерія была подъ командою генералъ-лейтенанта Игнатьева. Корпуснымъ командиромъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, георгіевскій кавалеръ второй степени, родной племянникъ Суворова. Когда войска собрались, пріѣхалъ главнокомандовавшій 1-й арміею, графъ Сакенъ, съ начальникомъ главнаго штаба этой арміи, генералъ-лейтенантомъ барономъ Толемъ (впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи и графъ) и начальникомъ артиллеріи, генераломъ-отъ-артиллеріи, княземъ Яшвилемъ. Еще до прибытія государя, начались предварительные смотры и, такъ сказать, репетиціи маневровъ, хотя эти послѣдніе, какъ оказалось впослѣдствіи, ви къ чему не повели:—государю угодно было произвести маневры по собственному предначертанію и безъ предварительной для нихъ программы.

Велико и невиданно было для здѣшняго края количество собравшихся сюда войскъ, но въ самомъ городѣ оставались только корпусный и дивизіонные штабы; войска же были расположены вокругъ города лагеремъ, или помѣщались въ окрестныхъ селеніяхъ. Маневры, ученія, смотры и артиллерійская стрѣльба производились каждый день, чему какъ нельзя больше благопріятствовала превосходная погода, какъ будто само Небо сочувствовало радости пензяковъ видѣть здѣсь обожаемаго монарха. Отецъ мой, а иногда и мать съ теткою, не пропускали случая быть зрителями этихъ воинскихъ упражненій, я съ братомъ Александромъ также были постоянными ихъ спутниками. Въ первый разъ мирные пензенскіе жители услышали, во время артиллерійскихъ занятій, свистъ пушечныхъ ядеръ; общественный садъ, о которомъ я упомянулъ выше, былъ полонъ всякій почти день зрителями примѣрной защиты и взятія штурмомъ нашего города.

За нѣсколько дней до прибытія государя императора, жители города были зрителями церемоніи, также до тѣхъ поръ ими невиданной. Начальникъ гусарской дивизіи, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, умеръ послѣ кратковременной болѣзни; парадныя сопровождаемыя военными поче-

стями похороны его не могли не привлечь большинства жителей города. Тѣло покойнаго предположили было отпѣвать въ соборѣ; но преосвященный Амвросій, о характерѣ котораго я упомянулъ выше, никакъ на то не согласился. По его понятіямъ, нельзя было внести покойника въ храмъ, готовившійся встрѣтить императора. Наступилъ день похоронъ, но пренія все еще продолжались; кончилось тѣмъ, что обѣдня, за которою происходилъ обрядъ погребенія, началась въ первомъ часу по полудни, и все-таки не въ соборѣ, а въ мужскомъ Спасопреображенскомъ монастырѣ. Торжественность обряда, при звукѣ военной музыки, при громѣ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, произвела на жителей большое впечатлѣніе.

Но время высочайшаго въ Пензу прибытія все приближалось. Государь долженъ былъ прибыть съ тамбовскаго тракта; согласно полученному распоряженію, слѣдовало, при самомъ въѣздѣ въ городъ, приготовить помѣщеніе, въ которомъ его величество могъ бы, остановясь на короткое время, смѣнить дорожное платье. Для этого, около самой тамбовской заставы былъ избранъ домъ г. Отто, теперь уже не существующій, въ которомъ и были сдѣланы необходимыя улучшенія. У г. Отто доселѣ сохраняется кресло, служившее государю императору въ это время.

Губернаторъ Ѳ. П. Лубяновскій принималъ, съ энергическою дѣятельностію, всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы, для слѣдованія его величества чрезъ губернію и для высочайшаго пребыванія въ Пензѣ все было въ лучшемъ, по возможности, порядкѣ. Предъ домомъ архіерейскимъ нужно было что-то исправить; съ просьбою о томъ губернаторъ отправилъ къ преосвященному Амвросію полицеймейстера коллежскаго совѣтника Путяту. Это былъ человѣкъ уважаемый, но безобразный собою. Когда онъ передалъ преосвященному просьбу губернатора, присовокупивъ, что нечистота предъ домомъ не можетъ быть теперь допущена, преосвященный спросилъ его: «а куда же губернаторъ дѣнетъ твое-то безобразіе?»

Но вотъ наступилъ наконецъ ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ день прибытія государя императора. Это было 30-го августа, день тезоименитства его величества. Время, въ которое государь императоръ изволитъ прибыть въ этотъ день, опредѣлено не было; поэтому народъ началъ собираться къ тамбовской заставѣ съ ранняго утра, а нѣкоторые, больше запасливые и терпѣливые, пришли туда еще съ вечера, т. е. 29-го числа. Погода была превосходная; не смотря на предпослѣднее число августа, было тепло и ясно, какъ въ маѣ.

На соборной колокольнѣ пробило 8 часовъ по полудни. Площадь и обширное, ведущее съ южной стороны въ соборъ крыльцо были полны народомъ. Все и всѣ ожидали, смотря и слушая съ нетерпѣніемъ. Вла-

сти гражданскія, въ полномъ парадѣ и преосвященный, въ полномъ облаченіи, съ первенствующимъ духовенствомъ, ожидали высочайшаго прибытія на послѣднихъ ступеняхъ крыльца. Графъ Сакенъ, хотя былъ Андреевскимъ кавалеромъ, имѣлъ на себѣ ленту Александровскаго ордена, потому что 30-го августа былъ кавалерскій его праздникъ. Предъ квартирою государя въ губернаторскомъ домѣ былъ почетный караулъ.

Вскорѣ, какъ перекатъ грома, послышались крики: «ура!» Это было изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ народа, который буквально, можно сказать, наполнялъ все пространство, отдѣлявшее домъ г. Отто отъ собора, хотя тутъ разстоянія никакъ не меньше версты.

У собора встрѣтили его величество епархіальный преосвященный съ духовенствомъ и губернаторъ съ губернскимъ предводителемъ и всѣми чиновниками. Выслушавъ привѣтственную рѣчь преосвященнаго и приложась въ соборѣ къ св. иконамъ, государь изволилъ отправиться на квартиру; вышелъ изъ коляски къ караулу, на флангѣ котораго находились графъ Сакенъ, князь Горчаковъ, князь Яшвиль, всѣ генералы и штабъ-офицеры. У подъѣзда губернаторъ отрапортовалъ словесно о благосостояніи губерніи и поднесъ его величеству письменный о томъ рапортъ.

Вслѣдъ за тѣмъ въ тотъ же вечеръ, имѣли аудіенціи графъ Сакенъ, нѣкоторые изъ генераловъ, и представлялись всѣ генералы, всѣ полковые командиры и командиры артиллерійскихъ бригадъ. Губернатору государь изволилъ отозваться въ самыхъ лестныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ.

На другой день, 31-го августа, въ 6 часовъ утра, государь, отслушавъ литургію въ приходской церкви Св. Петра и Павла, присутствовалъ на смотрѣ войскъ. По объѣздѣ ихъ, его величество объявилъ высочайшее благоволеніе и потомъ самъ лично удостоилъ командовать. Войска проходили церемоніальнымъ маршемъ. По возвращеніи на квартиру, представлялись государю епархіальный архіерей съ духовенствомъ и игуменьею Троицкаго женскаго монастыря. Затѣмъ губернаторъ представлялъ его величеству гражданскихъ чиновниковъ и губернскаго предводителя, который самъ уже представлялъ пензенское дворянство; наконецъ, губернаторъ представлялъ иногородныхъ дворянъ, Пензенское городское общество и депутатовъ отъ другихъ городовъ, съ хлѣбомъ и солью.

1-го сентября, также въ 6 часовъ утра, государь изволилъ отправиться на маневры. Съ одной стороны войска, превосходно одѣтыя, а съ другой, сонмы зрителей и множество экипажей составляли картину прелестную. Маневры продолжались 6 часовъ. Нижнимъ чинамъ за оба дня пожаловано по два рубля, по два фунта говядины и по двѣ чарки вина на человѣка.

Къ обѣденному столу его величества въ этотъ день приглашены были всѣ генералы, всѣ командиры полковъ и артиллерійскихъ бригадъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Нессельроде, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Матусевичъ, статскій совѣтникъ Северинъ, губернаторъ Лубяновскій, губернскій предводитель дворянства, генералъ-маіоръ Кишенскій, отставной генералъ-маіоръ Ланской и дѣйствительный статскій совѣтникъ Анненковъ.

2-го сентября, равнымъ образомъ въ 6 часовъ утра, государь изволилъ присутствовать у развода Невскаго пѣхотнаго полка; послѣ смотрѣлъ манежную ѣзду полковъ 2-й гусарскій дивизіи и, наконецъ, цѣльную стрѣльбу пѣхоты и артиллеріи. Всѣ эти части удостоились высочайшаго одобренія; нижніе чины получили по рублю на человѣка, а пѣхотнымъ стрѣлкамъ назначено особенное денежное награжденіе.

Съ мѣста, гдѣ происходила цѣльная стрѣльба, государь изволилъ отправиться въ заведенія приказа общественнаго призрѣнія и въ тюремный замокъ. У дверей тюремной церкви приложился къ поднесенному священникомъ кресту, а въ больницѣ замка изволилъ съ особенною подробностію разспрашивать двухъ, недавно наказанныхъ за преступленія и объ одной изъ нихъ женщинѣ далъ губернатору особое повелѣніе. Въ больницѣ приказа самъ отвѣдывалъ приготовленную для больныхъ пищу и вездѣ въ полной мѣрѣ одобрилъ чистоту и устройство.

Въ то же утро, государь, въ сопровожденіи губернатора, осматривалъ городъ, пожарный инструментъ, гимназію и временный госпиталь 2-го пѣхотнаго корпуса, одно отдѣленіе котораго помѣщалось въ Дворянскомъ домѣ.

Вечеромъ 2-го сентября, его величество удостоилъ высочайшаго присутствія балъ, данный дворянствомъ въ той галлереѣ, о которой я упомянулъ выше. Губернаторъ, губернскій и уѣздные предводители имѣли счастіе встрѣтить его величество у подъѣзда. Въ аванзалѣ государь императоръ былъ встрѣченъ супругами губернатора и губернскаго предводителя и, удостоивъ подать руку первой изъ нихъ, изволилъ войти въ залу и тѣмъ открыть балъ. Слѣдующею дамою его величества была супруга губернскаго предводителя; прочія дамы, съ которыми государь удостоилъ пройти польскій, всѣ были назначены заранѣе. Но тутъ встрѣтился особенный случай. Въ числѣ гостей была Софья Александровна Кушкина, урожденная Ребиндеръ, только недавно вышедшая замужъ за Андрея Андреевича Кушкина, который служилъ адъютантомъ при начальникѣ гусарской дивизіи. Красота этой молодой дамы была истинно изумительна. Государь, остановивши на ней свой взглядъ, изволилъ о ней спросить и, получивъ отвѣтъ, кто она такая, соблаго-

волилъ пройти польскій и съ нею [1]). Пробывши на балѣ болѣе полутора часа, его величество отправился на квартиру, изъявивъ губернскому предводителю и дворянству въ милостивѣйшихъ выраженіяхъ признательность за угощеніе и назвавъ пензенскій балъ вторымъ послѣ московскаго.

3-го сентября, также въ 6 часовъ утра, государь во второй разъ присутствовалъ на маневрахъ. Никакой предварительной диспозиціи объявлено не было, и никто изъ генераловъ не былъ предупрежденъ о распоряженіяхъ, какія его величеству угодно было сдѣлать. Государь самъ изволилъ командовать, и движенія войскъ, до самой минуты начатія ихъ никому неизвѣстныя, совершались съ быстротою и точностію. Нижнимъ чинамъ пожаловано опять по рублю, по фунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка.

Послѣ маневровъ, продолжавшихся болѣе шести часовъ, государь изволилъ быть на обѣдѣ, даннымъ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ въ устроенной для того на горѣ, въ виду города, палаткѣ. По окончаніи обѣда его величество отправился въ артиллерійскій лагерь, гдѣ, послѣ осмотра внутренняго устройства артиллеріи, всѣмъ былъ совершенно доволенъ.

Высочайшее пребываніе въ Пензѣ и въ Пензенской губерніи ознаменовано было многими щедротами: во множествѣ были розданы драгоцѣнные подарки и денежныя пособія. Городу Пензѣ, для укрѣпленія берега рѣки, пожаловано 20.000 р. ассигнаціями.

Наканунѣ отъѣзда его величества поздно вечеромъ имѣли счастіе получить: князь Горчаковъ осыпанную брилліантами табакерку съ портретомъ; баронъ Толь—Александровскій орденъ; губернаторъ Лубяновскій—Владимірскій орденъ 2-й степени.

4-го сентября въ 7 часовъ утра, государь изволилъ отправиться изъ Пензы по симбирскому тракту; въ городѣ Городищахъ изволилъ кушать и въ 5 часовъ по полудни былъ уже за границею Пензенской губерніи.

Съ отбытіемъ изъ Пензы его императорскаго величества, все пришло въ прежнюю колею, объ этомъ событіи осталось одно только воспоминаніе, и теперь мало уже осталось ему современниковъ.

Въ числѣ лицъ, составлявшихъ въ то время свиту государя, былъ и нынѣшній генералъ-фельдмаршалъ графъ Бергъ, въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба; князь Горчаковъ, впослѣдствіи намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, былъ оберъ-квартермистромъ 1-й арміи, въ чинѣ полковника.

Но я забылъ сказать, что въ день прибытія его величества въ Пензу, въ устроенной для бала галлереѣ былъ данъ дворянствомъ

---

[1]) Теперь во второму мужу Золотарева.

большой обѣдъ, на который были приглашены весь генералитетъ и штабъ-офицеры. Во время тостовъ за здравіе государя императора и всей августѣйшей фамиліи, подвезенная артиллерія гремѣла безъ умолку. Постройка галлереи и всѣ издержки на этотъ обѣдъ и балъ обошлись въ 70.000 рублей. Купечество также устроило балъ; для этого, бывшая въ городскомъ саду галлерея была нарочно перестроена съ перенесеніемъ на другое мѣсто. Государь удостоилъ принять и этотъ балъ; но когда всѣ собрались, пріѣхавшій генералъ-адъютантъ объявилъ, что вслѣдствіе полученія какихъ-то важныхъ бумагъ, требовавшихъ немедленнаго занятія, его величество быть не можетъ.

Между тѣмъ губернаторъ нашъ, Ѳ. П. Лубяновскій, видя меня въ обществѣ и, видно судя по моему росту, что я старѣе тѣхъ лѣтъ, какія имѣлъ дѣйствительно, какъ-то при свиданіи съ отцомъ моимъ спросилъ его, почему онъ не опредѣляетъ меня на службу? Отецъ воспользовался этимъ случаемъ и просилъ губернатора опредѣлить, вмѣстѣ со мною, и брата моего; но какъ ему было только 13 лѣтъ, то просилъ, чтобы онъ былъ только зачисленъ, а между тѣмъ было бы ему позволено продолжать ученіе; на что̀ губернаторъ и изъявилъ согласіе. Это было въ послѣднихъ числахъ мая 1825 г.; отецъ написалъ намъ просьбы, я обѣ переписалъ, братъ подписалъ (еще по линейкамъ) одну изъ нихъ, и мы всѣ трое отправились (помнится, это было 30-го числа) сперва въ церковь отслужить молебенъ, а оттуда къ губернатору. Просьбы наши были приняты, и 3-го іюня мы оба опредѣлены въ штатъ губернскаго правленія копіистами. Братъ остался дома, а я на другой же день отправился на службу.

По распоряженію секретаря, Герасима Макаровича Лысова, я поступилъ въ сенатскую экспедицію, гдѣ столоначальникомъ былъ Петръ Леонтьевичъ Андреевъ, за мѣсяцъ предъ тѣмъ получившій первый классный чинъ. Наступили послѣднія числа мѣсяца, когда обыкновенно дѣлалась раскладка жалованья, и мнѣ, къ моему собственному и товарищей моихъ удивленію, за этотъ же мѣсяцъ положено жалованье *десять рублей ассигнаціями*, тогда какъ назначеніе жалованья новому канцелярскому служителю обыкновенно дѣлалось чрезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ службы и въ количествѣ болѣе ограниченномъ. Теперь окладъ этотъ, составляющій менѣе трехъ рублей серебромъ, показался бы ничтожнымъ и смѣшнымъ; но въ то время, когда и столоначальники правленія получали только по 33 р. въ мѣсяцъ, а высшій окладъ канцелярскихъ служителей, и то уже давнишнихъ, составлялъ 20 р. въ мѣсяцъ,—такое ко мнѣ, молодому мальчику, вниманіе произвело въ товарищахъ моихъ волненіе и зависть. Но для меня это было все равно; я, признаюсь, не помнилъ себя отъ восхищенія, имѣя въ

своемъ распоряженіи такую сумму, пріобрѣтеніемъ которой былъ обязанъ собственно самому себѣ и своимъ трудамъ.

Во мнѣ было уже столько понятія, что я хорошо сознавалъ необходимость доказать мое усердіе ближайшимъ начальникамъ и держать себя на виду начальниковъ старшихъ. Я началъ съ того, что трудился, сколько былъ въ силахъ, бывая у должности неупустительно каждый день и по утру и послѣ обѣда, между тѣмъ, какъ товарищи мои иногда дозволяли себѣ не приходить, кто утромъ, кто вечеромъ. Оказывая полное уваженіе старшему начальству, т. е. членамъ и секретарю, я никакъ не позволялъ себѣ пропустить какой-либо торжественный день, чтобы не побывать у всѣхъ съ поздравленіемъ, что̀ дѣлали и другіе, старше меня. Теперь это почти вывелось и также покажется смѣшнымъ; но тогда, 75 лѣтъ назадъ, были другія понятія. Младшіе вовсе не считали за стыдъ оказывать уваженіе старшимъ, какъ считаютъ нынѣ, а я былъ въ очевидномъ выигрышѣ: усердіе мое къ службѣ хвалили и цѣнили, а старшіе начальники, видя мое къ нимъ уваженіе, и сами всегда были ко мнѣ ласковы и привѣтливы. Отца и мать моихъ это очень радовало, и первому часто приходилось слышать похвальные о мнѣ отзывы.

Едва прошли двѣ недѣли послѣ перевода моего въ губернскую канцелярію, какъ Пенза была взволнована и приведена въ глубокую горесть сперва частнымъ, а потомъ оффиціальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ государя императора Александра Павловича. Напрасно старался бы я описать непритворную, сердечную печаль всѣхъ и каждаго, она была тѣмъ глубже, что только съ небольшимъ годъ назадъ мы видѣли его посреди насъ веселымъ, полнымъ благости и въ цвѣтущемъ здоровьѣ. Роковое извѣстіе получено было съ курьеромъ, въ понедѣльникъ 7-го декабря, утромъ, и тотчасъ же раздался съ соборной колокольни благовѣстъ большаго колокола, призывавшій къ слушанію панихиды по усопшемъ вѣнценосцѣ и къ принесенію присяги императору Константину Павловичу. Храмъ мгновенно наполнился рыдавшимъ народомъ; горе было общее. Началось богослуженіе; совѣтникъ губернскаго правленія, Степанъ Михайловичъ Поповъ, которому поручено было читать указъ Правительствующаго Сената, возвѣщавшій невозвратимую потерю, отъ слезъ, едва былъ въ состояніи окончить чтеніе. Затѣмъ, началась присяга и подписаніе присяжныхъ листовъ. Все это продолжалось очень долго; потомъ всѣ разошлись, полные невыразимой печали.

Но неисповѣдимыя судьбы Всевышняго готовили для Россіи новую, никѣмъ неожиданную перемѣну: чрезъ немногіе дни, еще въ декабрѣ же, новый курьеръ привезъ высочайшій манифестъ о вступленіи на престолъ государя императора Николая Павловича, а съ почтою получены подробныя извѣстія о прискорбныхъ событіяхъ 14-го декабря.

Годъ прошелъ незамѣтно; съ окончаніемъ годоваго траура по императорѣ Александрѣ Павловичѣ, общественныя удовольствія начались по-прежнему и, въ день тезоименитства императора Николая Павловича, 6-го декабря, я былъ на большомъ балѣ, даннымъ губернаторомъ Лубяновскимъ. Это было первое мое появленіе въ свѣтъ и съ того времени, одинъ разъ навсегда, я получилъ отъ губернатора приглашеніе на всѣ будущіе балы и танцовальные вечера въ его домѣ.

Балы тогдашніе не были похожи на нынѣшніе. Не было той роскоши въ нарядахъ, въ которой теперь свѣтскія дамы стараются, такъ сказать, перегнать одна другую; туалеты ихъ были не такъ затѣйливы; не было и ouществующаго теперь обыкновенія взаимно критиковать эти наряды. Собирались веселиться—и веселились. На балы приглашались къ 7-ми часамъ, тогда какъ теперь собираются въ 11. Конечно, и тогда къ 7-ми часамъ не собирались; но тѣ, которые пріѣзжали въ 8, заставали балъ уже начавшимся. Балы открывались обыкновенно польскимъ; затѣмъ слѣдовалъ неизбѣжный экосезъ. Потомъ начинались кадрили съ шеномъ; вальсъ, матрадуръ, попури, вальсъ-козакъ, галопъ. Танцовали иногда мазурку, но никогда не больше, какъ въ четыре пары, ежели только находились лица, умѣвшія танцовать этотъ живописный танецъ. Тогда, около танцовавшихъ собирались всѣ присутствовавшіе, оставивъ карты, потому что и дѣйствительно было что посмотрѣть. Это былъ настоящій балетъ; плохо танцовавшіе не рѣшались въ немъ участвовать. Но я обыкновенно былъ въ числѣ танцовавшихъ; по большей части дамами моими были или младшая дочь губернатора, или его племянница. Все оканчивалось веселымъ котильономъ и потомъ переходили къ ужину. За ужиномъ подавалось тогда и горячее, какъ за обѣдомъ: супъ и проч. Ужинали за однимъ столомъ; обыкновенія ужинать за отдѣльными столиками еще не было. Послѣ ужина танцовали иногда гроссфатеръ: тутъ рѣзвостямъ и бѣготнѣ конца не было. Подъ предводительствомъ первой пары, танцовавшіе весело мчались чрезъ всѣ открытыя комнаты, не ограничивая себя одною бальною залою. Было не мыслимо, чтобы кто-либо изъ присутствовавшихъ молодыхъ мужчинъ позволилъ себѣ не танцовать; не пригласить къ танцамъ оставшуюся безъ кавалера даму считалось невѣжливостію. Но не одна только молодежь участвовала тогда въ танцахъ; отъ участія въ нихъ не отказывались и пожилые, и ва нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ на гг. Жедринскаго, Бровцына, Путяту, Полякова и другихъ, хозяева всегда разсчитывали. Между тѣмъ, каждому изъ этихъ господъ было за 50 лѣтъ; всѣ они были украшены орденами. Вообще—всякій, кто захочетъ принять на себя трудъ сравненія двухъ эпохъ, тогдашней и нынѣшней, когда молодые люди щеголяютъ отказами отъ танцевъ и невниманіемъ къ дамамъ, предпочитая имъ карты или

биллiардъ,—согласится, что въ первую изъ этихъ эпохъ жили несравненно веселѣе, нежели живутъ теперь. Мнѣ возражаютъ иногда теперь, говоря, что я сужу пристрастно и что въ старое, доброе время мнѣ было веселѣе потому только, что я былъ тогда молодъ. Съ этимъ я никакъ не соглашусь; веселѣе было просто потому, что было веселѣе, и потому, что тогда, безъ всякаго сомнѣнія, умѣли веселиться лучше нынѣшняго.

Бывало,—не говоря уже объ удовольствіяхъ большаго свѣта, молодежь обоего пола соберется въ которомъ-нибудь изъ знакомыхъ домовъ, на святки, въ маскарадныхъ костюмахъ. Чего тутъ не было? И маскарадъ, и танцы, и фанты, и гаданья. И опять здѣсь веселилась не одна только молодежь; люди серьезныхъ лѣтъ не считали себя стариками и не представляли изъ себя философовъ; они весело раздѣляли эти удовольствія, и даже сами ихъ заводили; молодымъ людямъ это нравилось и придавало имъ еще больше веселости. Спрашиваю: есть ли теперь что-либо подобное? О святочныхъ вечерахъ, маскарадахъ, гаданьяхъ, нѣтъ и помина; молодые люди, съ серьезными физіономіями, представляютъ изъ себя мыслителей, рѣшающихъ судьбы настоящей минуты и, что еще смѣшнѣе, думаютъ, что они таковы въ дѣйствительности. Прошло незабвенное, золотое, веселое время; прошло и больше не возвратится.

Но я заговорился, увлекшись воспоминаніями; старики обыкновенно любятъ говорить о тѣхъ дняхъ, которые, много лѣтъ назадъ, канули въ Лету, и не я одинъ бываю виноватъ въ этомъ отношеніи.